

«Оскорбление религиозных чувств»: обыденное сознание и правоприменение

С.В. Доронина¹, М.В. Кацаева², Ю.В. Трубникова³

¹Алтайская лаборатория судебной экспертизы
ул. Ленина 151 Г, 656036, Барнаул, Россия. E-mail: doroninasv73@mail.ru

Алтайский государственный университет
Ул. Димитрова, 66, 656049, г. Барнаул. E-mail: ²mirra2407@mail.ru, ³yuvtrubnikova@yandex.ru

Статья посвящена определению границ понятия «оскорбление религиозных чувств» с точки зрения специалиста в области религиоведения, рядовых носителей языка и практикующего судебного эксперта-лингвиста. Материал исследования – интернет-комментарии к новостям на темы, связанные с религией, попавшие в поле зрения правоохранительных органов, анализируемый в аспекте соответствия нормам законодательства, регламентирующим права на свободу совести и вероисповедания, и нормам административного и уголовного права, направленным на защиту чувств верующих. В работе использованы методы формально-юридического анализа, описания, эксперимента, семантического исследования, данные социологического опроса. Анализ выявил причины возникающих социальных конфликтов: низкая правовая и коммуникативная грамотность пользователей Интернета, расширенное толкование понятия оскорбления в общественном и индивидуальном сознании по сравнению с системой права и субъективное восприятие языковых единиц как эмоционально-оценочных или, наоборот, нейтральных.

Ключевые слова: оскорбление религиозных чувств, нормы права, обыденное сознание, интернет-коммуникация, интернет-комментарий, языковая семантика.

"Insulting Religious Feelings": Everyday Consciousness and Law Enforcement

S.V. Doronina¹, M.V. Kashchaeva², Yu.V. Trubnikova³

Altai State Forensic Laboratory
151 G Lenin Street, Barnaul, Russia, 656036. E-mail: doroninasv73@mail.ru

Altai State University
66 Dimitrova Street, Barnaul, Russia, 656049. E-mail: ²mirra2407@mail.ru, ³yuvtrubnikova@yandex.ru

The article **considers** defining the boundaries of the concept of "insulting religious feelings" from the point of view of a specialist in the field of religious studies, ordinary native speakers and a practicing forensic linguist. The material **for** the study is Internet comments **to the** news on topics related to religion that came to the attention of law enforcement agencies, analyzed in terms of compliance with the norms of legislation regulating the rights to freedom of conscience and religion, and the norms of administrative and criminal law aimed at protecting the feelings of believers. The paper uses the methods of formal legal analysis, description, experiment, semantic research, sociological survey data. The analysis revealed the causes of emerging social conflicts: low legal and communicative literacy of Internet users, **broad** interpretation of the concept of insult in the public and individual minds compared to the legal system, and the subjective perception of language units as emotionally evaluative or, **on the contrary**, neutral.

Key words: insult to religious feelings, legal norms, everyday consciousness, Internet communication, Internet commentary, language semantics.

1. Введение. Социально-телекоммуникационная сеть Интернет предоставляет широкие возможности совершения речевых правонарушений. «Криминализации» интернет-пространства способствуют его особые коммуникативные свойства: Анонимность. Для распространения информации возможна регистрация под вымышленным именем. Это порождает использование псевдонимных аккаунтов лицами, осуществляющими публикацию, для сокрытия личности. Массовость. Интернет-среда является наиболее доступным, дешевым и, следовательно, эффективным инструментом распространения информации.

Публичность. Информационно-телекоммуникационная сеть является основным средством обмена информацией как в официальном, так и в неофициальном формате. Интернет открыл возможность ухода от классического, непосредственного способа распространения информации, коим являлось размещение в общественных местах листовок, печатных изданий, плакатов; распространение информации в ходе публичных выступлений. В современном мире информация размещается виртуально – на форуме, в тематических группах, в новостной ленте, рассылается группе пользователей.

Высокая скорость обмена информацией. Интернет-среда позволяет мгновенно распространить информацию для определенной целевой (подписчики группы в социальной сети, участники чата в мессенджере типа WhatsApp, Telegram) или неопределенной (читатели новостных ресурсов, участники социальной сети) аудитории.

Анализ практики судебного эксперта-лингвиста позволяет выделить наиболее типичные формы распространения криминалистически значимой информации. Тексты размещаются

- в виде рекламных объявлений (в тематических группах);
- в группах социальной сети «ВКонтакте», «Одноклассники»;
- в форме комментариев в тематических группах социальных сетей, на форумах, новостных и иных ресурсах;
- в виде отзывов на ресурсах типа «Фламп», «Отзовик»;
- в межличностной переписке в социальных сетях или в программе «Скайп».

В общем числе лингвистических экспертиз количество исследований по материалам сети Интернет лавинообразно растет. Это связано как с увеличением речевых конфликтов и речевых правонарушений в интернет-пространстве, так и с возрастающими возможностями правоохранительных органов в организации контроля за виртуальным речевым поведением граждан. По данным архивов Алтайской лаборатории судебной экспертизы, за последние пять лет в сети Интернет выявлены речевые правонарушения, направленные против чести и достоинства личности, тексты с признаками речевого экстремизма и побуждения к терроризму, оскорбления чувств верующих. Последнее из названных правонарушений порождает в современном обществе наиболее острые дискуссии.

Активное обсуждение религиозной проблематики на страницах сети Интернет и существующий широкий спектр высказываний на религиозную тему побуждают к обсуждению вопроса об объективных и субъективных границах нормы речевого поведения в религиозных дискуссиях, носящих, как правило, острый характер. Данная проблема не может быть решена в рамках одной науки и требует междисциплинарного подхода. Поэтому целью данного исследования является определение границ понятия «оскорбление религиозных чувств» с нескольких позиций: с точки зрения специалиста в области религиоведения, рядовых носителей языка и, наконец, практикующего судебного эксперта. Несоответствия, выявленные в результате сравнения, позволяют понять причины возникающих социальных конфликтов и наметить пути их преодоления.

2. Материалы и методы. Материалом исследования стали интернет-комментарии к новостям на темы, связанные с религией, попавшие в поле зрения правоохранительных органов. Для всестороннего исследования также проводился анализ норм законодательства, регламентирующих права на свободу совести и вероисповедания, а также норм административного и уголовного права, направленных на защиту чувств верующих.

Междисциплинарный подход к проблеме обусловил применение различных методов:

• Для исследования речевого материала из сети Интернет используется метод описания, включающий в себя процедуры сбора материала, его классификацию и типизацию.

• Для выявления субъективного мнения пользователей Интернета проводился опрос, а для получения когнитивной и эмоциональной оценки материала носителями русского языка – лингвистический эксперимент. В частности, использовалась методика семантического шкалирования.

• Для проведения экспертного анализа спорных контекстов использована группа методов семантического исследования: дефиниционный анализ лексических единиц, семантическая декомпозиция высказываний, анализ модальной организации предложений, стилистический анализ.

• К законодательным нормам применен метод формально-юридического анализа, позволивший определить влияние процессов социальной коммуникации на специфику применения положений 148 статьи Уголовного кодекса РФ.

3. Результаты. Как показывают наблюдения, верующие, особенно неопиты, болезненно воспринимают критическое отношение к их мировоззрению. Это, однако, не отменяет гражданских свобод выражения мнения и вероисповедания. Свобода выражения своего мнения, в том числе и по вопросам религии, рассматривается современным обществом как одно из достижений западной цивилизации. Однако как в мировой, так и в российской практике обсуждения вопросов, связанных с религиозной проблематикой, имеются прецеденты, свидетельствующие о нарушении представителями СМИ и массмедиа прав и интересов различных профессиональных групп. В мировой практике таким примером может служить ситуация вокруг французского литературно-художественного еженедельного журнала *Charlie Hebdo*. Летом 2008 года на страницах данного издания вышли карикатуры на сына президента Франции Жана Саркози. Автор материала высмеивал поведение Жана Саркози, который для заключения брака с невестой–иудейкой намеревался сменить вероисповедание с католического на иудейское. В 2008 году подобные насмешки были оценены обществом как антисемитские, поэтому автор карикатур был уволен из издания. В январе 2015 года карикатура на одного из лидеров группировки ИГИЛ стала основанием для вооруженного нападения, унесшего жизни 10 сотрудников редакции и 2 полицейских, охранявших офис редакции. В России одним из самых обсуждаемых прецедентов, свидетельствующих о разжигании религиозной вражды, стал так называемый “панк–молебен”, проведенный в феврале 2012 года группой *Pussy Riot* в храме Христа Спасителя. В надзорных жалобах, поданных адвокатом Хруновой И.В., отмечалось, что Хамовнический районный суд города Москвы неправильно оценил действия группы *Pussy Riot*, квалифицировав их как действия, содержащие мотив религиозной ненависти и вражды. По замечанию адвоката, акция группы, проведенная с амвона храма Христа Спасителя, имела политический, а не религиозный характер, она была направлена против сращивания религиозных институтов и политической власти. Последним резонансным событием с участием медийной персоны, обвиняемой в оскорблении чувств верующих, стал случай с программой «Вечерний Ургант». 7 января 2020 года в своем шоу Иван Ургант оскорбил коллаж, в котором в роли Иисуса Христа изображен актер Николай Кейдж, в роли волхвов – Квентин Тарантино и Никита Михалков, а в роли Богоматери – Джордж Лукас. Подобная шутка стала поводом к активизации группы православных активистов «Сорок сороков», потребовавших снять передачу с эфира. Депутат Госдумы Н. Земцов обратился к Генеральному прокурору России И. Краснову с запросом завести уголовное дело на Ивана Урганта по ст. 148 Уголовного кодекса РФ за оскорбление чувств верующих.

Защита интересов конфессионально ориентированного населения в странах Евросоюза основана на Европейской конвенции по правам человека [European Union 1950: URL]. Ограничения в сфере свободы мысли, совести и религии обоснованы в том случае, если использование этих прав приобретает вызывающий характер и тем самым затрагивает

общественное спокойствие. В других европейских странах существуют специальные нормы, связанные с защитой религиозного мировоззрения. Так, в Уголовном кодексе Федеративной Республики Германия присутствует §166 «Оскорбление вероисповеданий религиозных обществ и мировоззренческих объединений». Согласно данной норме распространение письменных материалов, оскорбляющих содержание религиозных исповеданий и мировоззрений другого, если такие действия вызывают нарушение общественного порядка, наказывается лишением свободы на срок до трех лет или денежным штрафом [Шнитенков 2014].

После того, как участницы скандальной группы Pussy Riot были привлечены к уголовной ответственности по статье «Хулиганство» (часть 2 статьи 213 Уголовного кодекса России), российский законодатель устремился к созданию в Уголовном кодексе отдельной нормы, связанной с защитой чувств верующих. В российском обществе подобная деятельность законодателя вызвала бурную общественную реакцию. Так, член Экспертного совета Общественной палаты РФ П. Адельгейм охарактеризовал данный закон как репрессивный, обязывающий суды разбираться в тонкостях психологии. Похожие комментарии звучали также из уст российских правозащитников, акцентировавших внимание на том, что закон защищает не чувства верующих, а религиозные институты от критики [Кашаева 2019]. В июне 2013 в Уголовном кодексе появилась статья 148 «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий», воспрещавшая оскорбление чувств верующих. В российской юридической науке по поводу ст. 148 УК РФ сложились противоречивые мнения. С одной стороны, норма ст. 148 УК РФ выделяет в качестве самостоятельного состава преступления «публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств». Другим самостоятельным составом в ч. 3 ст. 148 выделено незаконное воспрепятствование деятельности религиозных организаций, проведению богослужений, других религиозных обрядов и церемоний. В данном виде норма подчеркивает публичность действий, приносящих вред обществу, что сопоставимо с правоприменительной практикой западноевропейских стран, например, Германии [Шилин 2016]. С другой стороны, исследователи отмечают, что данная норма приходит в противоречие с 28 ст. Конституции РФ, предоставляющей гражданину право иметь, распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними. Наличие в административном и уголовном праве норм со сходным составом образует коллизию норм права [Шнитенков 2014].

Необходимо отметить, что в 2012 году в российском законодательстве в рамках Федерального закона N 125 «О свободе совести и религиозных объединениях» в статье 3 существовали нормы, запрещающие воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и свободу вероисповедания, сопряженные с насилием, с умышленным оскорблением чувств граждан в связи с их отношением к религии. Умышленное публичное осквернение религиозной литературы, а также предметов религиозного почитания, знаков и эмблем религиозной символики запрещает статья 5.26 Кодекса об административных правонарушениях. Однако наибольший резонанс в научной литературе вызвало само определение «религиозные чувства», а также специфика соответствия сформулированных норм 28 статье Конституции России, гарантирующей право не исповедовать никакой религии [Федотова 2016].

Попытки конкретизации определения «религиозное чувство верующих» требуют от авторов статьи отказаться от большого числа философских и психологических интерпретаций данного термина [Чернышкова 2017]. Религиозные чувства неразрывно связаны с религиозным мировоззрением, базирующимся на религиозном вероучении, а также участием адепта в культовой практике, опосредованной взаимодействием с предметами культа (иконы, кресты, предметы религиозной практики) в пределах сакрального для религии пространства (храм, мечеть, дацан). Оскорбление чувств верующих неизбежно связано с оскорблением священства, почитаемых в религиозной традиции святых и подвижников, практикой срыва или намеренного воспрепятствования проведению богослужения (молебен, крестный ход, религиозный церемониал). Публичный характер, а также злонамеренные действия неизбежно усиливают противоположность деяния. Поэтому норма ст. 148 УК РФ об оскорблении чувств верующих применима при публичном оскорблении вероучения конфессии, культовой практики и предметов культа, сакрального культового пространства конфессии, представителей конфессии, выполняющих культовые функции, а также традиционных для конфессии, исторически сложившихся этических норм и ценностей.

Несколько сложнее обстоит дело с оценкой противоправности речевых действий, в отношении которых, по мнению лингвистов-экспертов, указанная статья 148 Уголовного Кодекса России недостаточно четко определяет деликт, что влечет возможность многочисленных интерпретаций закона правоприменителем. Высказывания подпадают под действие п. 1 статьи – публичные действия, выражающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих. Материалы, поступающие на экспертизу по данной категории дел, содержат негативные суждения относительно верующих различных конфессий, лиц, имеющих духовный сан и являющихся служителями церкви. Кроме того, материалы часто выражают критическое отношение к каким-либо религиозным догматам или религии в целом, содержат насмешку над религиозными святынями и традициями. Негативное отношение к объекту речи выражается с помощью оценочных высказываний, иногда подкрепляемых логическими аргументами, фактическими данными. Как правило, тексты имеют экспрессивную окраску, выражаемую широким спектром языковых средств: вульгарными метафорами, грубо-просторечными или даже нецензурными лексемами и конструкциями. Однако отсутствие в высказывании указанных языковых средств уже объективно затрудняет квалификацию речевого действия как оскорбления. Возникает и другая проблема. С одной стороны, публичный характер и намеренность действий кажутся очевидными, если негативные оценочные суждения представлены в сети Интернет. Однако, как показал анализ, официально признаваемая публичность интернет-общения не является субъективно значимой для пользователей.

Большая часть материала об оскорблении чувств верующих, поступающего на экспертизу, берется из комментариев пользователей на форумах и новостных ресурсах. Исследователи относят комментарий к жанру естественной письменной речи. Его основные признаки – письменная форма, спонтанность, непрофессионализм исполнения. Текст комментария является чаще не информативным, а оценочным. Автором его может быть любой заинтересованный в обнародовании своего мнения пользователь Интернета, чаще анонимный. Это всегда речевое реагирование на первичный текст. Считается, что чем актуальнее для аудитории будет первичный текст, тем быстрее и в большем количестве появятся комментарии. Кроме того, комментарий – реактивный жанр, так как ориентирован на дальнейшую коммуникацию, сам может стать объектом комментария [Стексова 2013]. Все сказанное делает этот жанр интересным объектом для анализа с точки зрения коммуникативного риска.

Для первичного сбора субъективной информации был проведен опрос, в котором приняли участие студенты 1 курса Алтайского госуниверситета, всего 109 человек в возрасте от 17 до 20 лет (33 юноши и 76 девушек), носители русского языка как родного, активные пользователи Интернета. Им были предложены следующие открытые вопросы:

1. Что такое интернет-комментарий? Кто и почему оставляет комментарии в Интернете?
2. Для кого пишет человек, оставляющий комментарии в Интернете, кто его «собеседник»?
3. Кто «собеседник» человека, оставляющий комментарий к другому комментарию?

4. Насколько допустимо эмоциональное выражение своего мнения в комментарии?
5. Допустимо ли использовать в Интернете мат, грубые выражения, непристойность?
6. Как вы понимаете значение слова «оскорбление»? Что будет оскорбительно лично для Вас? Что такое «оскорбление чувств верующих»?
7. Можно ли привлечь человека к ответственности за его слова в Интернете, если он пишет комментарий анонимно?

Опрос был совмещен с лингвистическим экспериментом. Экспериментальный метод – это метод целенаправленного наблюдения, представляющий собой искусственно моделируемую ситуацию, предполагающую «плановое манипулирование одной или несколькими переменными и регистрацию сопутствующего изменения в поведении изучаемого объекта» [Шапарь 2006]. Любимый эксперимент такого рода направлен на то, чтобы поставить человека в ситуацию управляемого выбора и принятия решения. В лингвистическом эксперименте исследователь не просто пассивный наблюдатель, он участвует в деятельности испытуемого, «имеет возможность так или иначе воздействовать на ход эксперимента, моделировать различные ситуации, ставя участника в необходимые условия» [Леонтьев 1999]. При достаточном количестве испытуемых исследователь получает в итоге усредненную общественно закрепленную оценку явления, действия или предмета.

Экспериментальный метод в лингвистике имеет множество разновидностей. В данном исследовании использовалась методика семантического шкалирования. Испытуемые должны были оценить высказывания при помощи семантической шкалы. Вопрос сформулирован так: «Оцените по шкале от 0 до 5 баллов предложенные высказывания как оскорбляющие чувства верующих». Семантическая шкала поделена на шесть делений, фиксируя противоположные оценки смысла контекста-стимула на разных ее концах. Деления шкалы оцениваются следующим образом: поскольку по шкале оценивается степень выраженности, то позиции шкал соответствуют следующим характеристикам противоположных признаков: 0 – в высшей степени А; 1 – довольно А; 2 – скорее А, чем В; 3 – скорее В, чем А; 4 – довольно В; 5 – в высшей степени В, где А – неоскорбительность, В – оскорбительность контекста. Присутствие данного вопроса в анкете для респондентов имеет перед собой цель получить от респондентов когнитивную и эмоциональную оценку материала, выраженную конкретными цифрами, для дальнейшей интерпретации результатов воздействия контекста на респондентов. Здесь нужно указать на тот факт, что воздействующей является в принципе любая единица, однако, поскольку нас интересует восприятие именно отрицательной семантики, результаты от 0 до 2 баллов отражают так называемое узальное значение, которое содержится в обыденном сознании адресата и не является сигналом большой воздействующей силы. Представляется важным анализировать именно те результаты, которые показывают более глубокую интерпретацию личностных смыслов в сознании испытуемых, то есть от 3 до 5 баллов.

Для эксперимента было отобрано десять контекстов-комментариев, в которых была представлена в разной степени эмоциональная негативная оценка ситуаций, связанных с религией, церковными и околоцерковными событиями, государственной политикой в отношении церкви. Контексты отбирались не просто оценочные, но с выраженным пропозиционным «каркасом», поскольку контекст тем легче становится объектом языковой рефлексии, чем полнее отражает экстралингвистическую (денотативную) ситуацию [Трубникова 2008]. Кроме того, не использовались комментарии, содержащие оценку человека как носителя религиозных представлений, и те, в которых использовалась обценная и грубая просторечная лексика, явно выражающая оценку ситуации.

Итак, рассмотрим результаты опроса и семантического шкалирования.

Первый вопрос анкеты был вводным, целью его было сосредоточить внимание опрашиваемых на проблеме. Ответы достаточно однотипны: комментарии пишут люди, которые хотят выразить свое мнение по какому-либо вопросу, свое отношение к сообщению. Отдельные респонденты считают, что комментаторы могут иметь и другие цели помимо указанной: «Люди оставляют комментарий, чтобы выразить свою точку зрения, но не все делают это в благих целях, некоторые хотят спровоцировать агрессию», «Мотивы написания комментариев различны, например, зависть, злость», «Для саморекламы». Но в целом трактовка цели комментариев не расходится с принятой в теории – выразить отношение к комментируемому событию или герою (см., например, [Стеклова 2013]).

А вот далее опрос показал, что студенты демонстрируют непонимание сущности общения в Интернете. Отвечая на второй вопрос, все единодушно считают, что «собеседником является вся аудитория, видящая этот комментарий», «все люди, которые его прочитали», что «человек, оставляющий комментарий, адресует свое сообщение как автору того, что он комментирует, так и остальным пользователям Интернета». Но, уже отвечая на следующий вопрос, большинство думает, что человек общается с «автором комментария, к которому сам оставил комментарий», «непосредственно с предыдущим комментатором, отвечая на его мысли», «непосредственно с тем, кто оставил комментарий, пытаясь поддержать или опровергнуть его мнение», «если человек комментирует чей-то комментарий, то этот человек обращается именно к тому, чей комментарий он прокомментировал». Встретилось даже такое мнение: «Комментатор выше или это может быть разговор с самим собой», «человек ни с кем не общается, просто пишет свое мнение».

Только 19% опрошенных понимают, что общение остается публичным: человек общается «с другими пользователями», «с человеком, который оставил комментарий, но его собеседниками могут быть и другие люди», «с автором комментария, а также с его сторонниками». Чаще это понимание дается в модальности «может быть»: «Зависит от того, какая цель данного комментария, он может быть направлен к конкретному человеку, либо к общественности в целом», «Как правило, комментарий оставляют для автора предыдущего комментария, но довольно часто такой комментарий служит для того, чтобы привлечь внимание остальной аудитории к тому, что заявляет автор предыдущего комментария». Четкое понимание публичного характера общения представлено только в одной анкете: «Собеседниками человека, оставившего комментарий, являются все люди, которые его прочитали, так как все желающие могут ответить на него».

Таким образом, хотя исследователи и говорят о том, что общение осуществляется между коммуникантом и интернет-средой (см., например, [Алексеев, Гукосьянц 2014]), сами коммуниканты в большинстве своем этого не осознают и продолжают считать общение в Интернете межличностным.

Интересно соотносятся между собой и ответы респондентов на вопросы 4 и 5. Отвечая на вопрос, насколько допустимо эмоциональное выражение своего мнения в комментарии, только 6 человек (около 5,5%) допускают максимальную степень проявления эмоций: «Полная свобода в эмоциональном плане», «Полностью допустимо», «Настолько, насколько человек сам хочет его высказать», «В тех же пределах, что и при обычном общении». Большинство же пытается эту свободу ограничить: «Я считаю, что человек может высказываться как положительно, так и отрицательно, но отрицательное отношение не должно перерасти в оскорбление личности», «Насколько позволит воспитание», «Эмоциональное выражение в комментариях обычно ничем не ограничено, но люди должны сами себя ограничивать правилами этикета» и тому подобное.

Но на вопрос «Допустимо ли использовать в Интернете мат, грубые выражения, непристойность?» отрицательный ответ дает гораздо меньшая аудитория. В целом допустимым это считают 34% опрошенных, 23 девушки (30%) и 14 юношей (42,4%): «Допустимо и очень актуально», «Допустимо, если они не запрещены правилами ресурса» и даже «В Интернете допускается свобода слова и каждый человек сам решает, использовать мат или нет». Даже отрицательные ответы на вопрос могут демонстрировать отнюдь не отрицательное отношение к языковому явлению: «По моему мнению, грубые высказывания, маты нельзя использовать в Интернете, если они затрагивают личность человека» (то есть если не о человеке, а, например, о ситуации в целом, то, выходит, можно). Хотя мат продолжает восприниматься многими как сильное экспрессивное средство («Смотря в какой ситуации»), «Я думаю, что мат, грубые выражения человек не должен высказывать публично, но могут возникнуть ситуации, когда даже нужно перейти на оскорбления» (ж, 18 лет)), ответы студентов показывают, что обценная лексика русского языка начинает терять свою эмоциональность: «Это сложный вопрос, потому что ответ зависит от конкретного человека. Я считаю, что мат в целом допустим как в реальности, так и на просторах Интернета», «Это то же самое, что использовать мат на улице, в обществе», «Все к этому уже привыкли и не обращают внимания» (ж, 18 лет). Это и объясняет количественное соотношение ответов на четвертый и пятый вопросы.

Можно ли привлечь человека к ответственности за его слова в Интернете, если он пишет комментарий анонимно? Считают, что нельзя, – 23 человека: 10 девушек (13%) и 13 юношей (39,4%). Ответили «не знаю» 2 девушки. Отрицательный ответ мог быть односложным (нет, нельзя), но чаще указывали и причину. Причин две. Первая (по количеству ответов) состоит в том, что «это же анонимно». Подобные ответы демонстрируют некоторую техническую неграмотность студентов, грамотные же писали, что «всегда можно вычислить IP-адрес». А вот вторая причина выходит в область конституционного права: «Нет нельзя. Ведь в России присутствует свобода слова», «Я считаю, что нельзя привлечь к ответственности человека за его слова в Интернете, т. к. наши слова – это наше мнение, а в нашей стране существует свобода слова» и т. п. Такие реакции свидетельствуют о том, что для молодежной среды может быть характерна общая правовая некомпетентность.

Правовую некомпетентность демонстрируют студенты и в ответах на шестой вопрос, основывается она на непонимании значения слова (и юридического термина) и связана с расширенным толкованием понятия «оскорбление». По данным словаря, оскорбить – это «крайне обидеть, унижить кого-либо, уязвить, задеть в ком-либо какие-либо чувства» [Евгеньева 1999]. Иначе толкуется понятие «оскорбление» в системе права. Оскорблением признается унижение чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме. Далеко не любая, даже экспрессивная, форма негативной оценки является уголовным преступлением. Недопустимым, с точки зрения закона, являются лишь крайне вульгарные и грубые негативные оценки. Однако, по мнению аудитории, оскорбительными могут быть любые «слова, задевающие чувства других людей»: оскорбление – «обидное высказывание», «грубое, пренебрежительное отношение», «грубое высказывание в чей-то адрес», «агрессия по отношению к человеку», «способ отношения неприязни к кому-либо в словесной форме», «то, что обижает человека, чаще это слова за внешность», «никому не нужное мнение совершенно чужого человека в сторону внешности и особенностей характера» и т. п. Отметим, что проведенные нами ранее исследования юмора дали аналогичные результаты: оскорбительными шутками были названы высказывания о личности, в первую очередь, о ее внешности, интеллекте и речевых навыках [Доронина 2002]. Оскорбление религиозных чувств носителями языка толкуется гораздо более широко: его связывают с «проявлением неуважения к религии», «выражением противоположного мнения», считают оскорбительными «негативные высказывания о религии», «высказывания по поводу того, что вера, не соответствующая вашей, является неверной».

Подобное понимание оскорбления в целом и чувств верующих в частности сказалось и на результатах эксперимента. Поскольку все контексты содержали негативную оценку религии и пр., они все без исключения были в целом восприняты по крайней мере как «скорее оскорбительные». Хотя отдельные реципиенты оценивали их и на 0 баллов, средний показатель для всех был выше 2,5. Оскорбляющим религиозные чувства был признан даже контекст «Программа насильственной христианизации населения как новой национальной идеи с треском провалилась» (средний балл 3,1). Наиболее оскорбительными (максимальное количество оценок 5) были признаны следующие комментарии: «Религия – это насмешка над здравым смыслом, над человеком разумным, над всей человеческой расой» (средний балл 4,9) и «Мне противно это кликушество, вместо работы депутаты участвуют в религиозном мероприятии в госучреждении. Письки попрыгали в церкви – на зону, а попы кадиллом в АКЗС машут – так и надо» (средний балл 4,6).

Практика производства судебной лингвистической экспертизы складывается таким образом, что спорные тексты данного типа оцениваются с точки зрения наличия в них негативной информации о религиозных группах или отдельных лицах как представителей данных групп. Характер негативной информации также подлежит экспертному анализу: необходимо установить значение унижительной оценки лица или группы, речевую цель унижения и неприличную форму выражения этих значений, соотносимую, согласно экспертным методикам, с вульгарно-просторечными и нецензурными языковыми единицами. Религиозные дискуссии, какую бы острую эмоциональную форму они ни принимали, признаются допустимым видом речевой деятельности. С этой точки зрения результаты социологического опроса рядовых носителей языка резко противоречат экспертной оценке. Произведем экспертный анализ высказываний, выделенных информантами как наиболее резкие и неприемлемые.

I. Религия – это насмешка над здравым смыслом, над человеком разумным, над всей человеческой расой.

Высказывание содержит негативную оценку религии как системы мировоззрения. Оценка выражена имплицитно, путем указания на порождающую ее причину: религия представляет собой обман, она противоречит разуму, логике и человеческому опыту.

Экспрессивность оценке придает слово «насмешка», толкуемое как обидная шутка по поводу кого-либо, чего-либо [Евгеньева 1999]. Таким образом, религия предстает как циничная форма обмана, вызывающего чувство обиды, унижения.

Вместе с тем содержанием высказывания не является выражение отношения к какой-либо группе лиц или к отдельному лицу как представителю группы. В исследуемом предложении в эмоциональной форме отстаиваются атеистические религиозные убеждения. Неприличной формы данное выражение также не имеет. Следовательно, выражение не содержит лингвистических признаков деликта статьи 148 Уголовного Кодекса РФ «оскорбление религиозных чувств верующих».

II. Мне противно это кликушество, вместо работы депутаты участвуют в религиозном мероприятии в госучреждении. Письки попрыгали в церкви – на зону, а попы кадиллом в АКЗС машут – так и надо.

В выражении подвергается резкой негативной оценке имевший место в действительности факт – проведение чина освящения здания Алтайского краевого Законодательного Собрания епископом православной церкви. Эмоциональность оценке придают следующие средства:

1. Метафора «кликушество», сравнивающая неуместное религиозное рвение чиновников с психическим расстройством. Толковый словарь русского языка описывает значение этого слова следующим образом: «Кликушество – 1. Нервное истерическое заблуждение (преимущественно у женщин), выражающееся в судорожных припадках, сопровождаемых резкими криками и взвизгиваниями. 2. переносное, разговорное, презрительное. Крикливое и пристрастное выражение чего-либо» [Евгеньева 1999].

2. Интерпретируемое событие сопоставляется с акцией 21 февраля 2012 года участниц панк-группы Pussy Riot в храме Христа Спасителя, в результате которой двое из них получили реальный уголовный срок. С помощью антитезы выражается несогласие с различной общественной оценкой событий, которые, с точки зрения автора высказывания, являются в равной степени аномальными.

3. Лексема «писька», употребление которой объясняется паронимичекой аттракцией слова с одним из компонентов наименования панк-группы Pussy Riot (слово также может быть интерпретировано как вольный перевод английской лексемы pussy), является стилистически сниженным и также служит выражению авторской оценки.

Таким образом, в контексте не обнаруживается значение унижительной оценки лица или группы лиц, не содержится неприличных по форме выражений, следовательно, исследуемое выражение не содержит лингвистических признаков оскорбления религиозных чувств.

4. Заключение. Подводя итоги, скажем, что анализ интернет-комментариев и их оценки в обыденном сознании носителей языка позволяет определить причины возникающих социальных конфликтов, определяемых как оскорбление чувств верующих. Во-первых, это низкая правовая и коммуникативная грамотность пользователей Интернета. Носители языка, по крайней мере молодые, воспринимают интернет-коммуникацию как межличностную, а не как публичную, не видят разницы между ней и непосредственным устным общением. Допуская возможность для себя повышенной эмоциональности при обсуждении интересующих их проблем, не будучи подчас обремененными элементарными представлениями об этике общения и ограниченными языковыми табу, авторы интернет-комментариев могут позволить себе употреблять не просто экспрессивно нагруженную, но грубо-просторечную и даже нецензурную лексику. При этом у них не возникает мыслей о возможности правонарушения или о необходимости отвечать за свои слова. Поэтому молодежь нужно знакомить с правовыми аспектами интернет-коммуникации, например, в вузовском курсе «Основы права» или даже еще раньше, в школе на обществознании.

Во-вторых, причиной конфликта может стать расширенное толкование понятия оскорбления в общественном и индивидуальном сознании по сравнению с системой права и субъективное восприятие языковых единиц как эмоционально-оценочных или, наоборот, нейтральных. В таком случае человек, используя «нейтральные» в его представлении языковые средства, невольно нарушает права другого, хотя «незнание не освобождает от ответственности». С другой стороны, указанная причина приводит к возможности для человека считать себя оскорбленным и возбуждать дело против автора интернет-комментария, хотя тот ничего не нарушил с точки зрения права. Все это заставляет говорить о повышении не только правовой и коммуникативной, но и общей грамотности носителей языка.

Литература

- Алексеевко И.С., Гукосьянц О.Ю. Специфика интернет-опосредованной коммуникации и феномен виртуальной языковой личности / Политическая лингвистика. – 2014. – №50(4). – С. 193–202.
- Доронина С.В. Инвективная функция насмешки и проблемы ее экспертной оценки / Юрислингвистика. – 2002. – №3. – С. 78–85.
- Евгеньева А.П. (Ed.). Словарь русского языка в четырех томах. Москва, 1999.
- Кацаева М.В. Защита чувств верующих в парадиумах российского уголовного и административного законодательства / Вестник Барнаульского юридического института МВД РФ. – 2019. – № 1(36). – С. 79–81.
- Леонтьев А. А. Психология общения. М., 1999.
- Стексова Т.И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность / Жанры речи. – 2013. – №9(1). – С. 82–88.
- Трубникова Ю.В. Экспериментальное исследование деривационных механизмов взаимодействия первичного и вторичного текстов / Сибирский филологический журнал. – 2008. – № 2. – С.118–132.
- Чернышкова З.Е. Религиоведческая экспертиза: анализ действий, направленных на оскорбление чувств верующих / Философские науки. – 2017. – №3. – С. 202–205.
- Федотова Ю.Е. Оскорбление религиозных чувств верующих и уголовный закон: работа над ошибками / Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2016. – №1. – С. 199–205.
- Шапарь В.Б. Практическая психология. Психодиагностика отношений между родителями и детьми. Ростов-на-Дону, 2006.
- Шилин Д.В. Уголовная и административная ответственность за нарушение права на свободу совести: правовое разграничение / Журнал российского права. – 2016. – №5. – С. 81 – 89.
- Шнитенков А.В. Оскорбление религиозных чувств верующих: проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности / Современное право. – 2014. – №3. – С. 107–109.
- European Union (1950). Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Available from https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf

References

- Alekseenko, I.S. Gukosyants, O.Yu. (2014). The specificity of Internet-mediated communication and the phenomenon of virtual language personality. *Political Linguistics*, 50(4), 193–202 (in Russian).
- Chernyshkova, Z.E. (2017). Religious expertise: analysis of actions aimed at offending the feelings of believers. *Philosophical Sciences*, 3, 202–205 (in Russian).
- Doronina, S.V. (2002). Invective function of ridicule and problems of its expert evaluation. *Jurilinguistics*, 3, 78–85 (in Russian).
- European Union (1950). Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms. Available from https://www.echr.coe.int/Documents/Convention_RUS.pdf
- Evgenieva, A.P. (Ed.). (1999). *Dictionary of the Russian language in four volumes*. Moscow (in Russian).
- Fedotova, Yu.E. (2016). Insulting religious feelings of believers and criminal law: work on mistakes. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 1, 199–205 (in Russian).

-
- Kaschaeva, M.V. (2019). Protecting the Feelings of Believers in the Paradigms of Russian Criminal and Administrative Legislation. *Bulletin of the Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 1 (36), 79–81 (in Russian).
- Leontiev, A.A. (1999). *Psychology of communication*. Moscow (in Russian).
- Shapar, V.B. (2006). *Practical psychology. Psychodiagnostics of relations between parents and children*. Rostov-on-Don (in Russian).
- Shilin, D.V. (2016). Criminal and administrative liability for violation of the right to freedom of conscience: legal distinction. *Journal of Russian Law*, 5, 81–89 (in Russian).
- Shnitenkov, A.V. (2014). Insulting religious feelings of believers: problems of legislative regulation of criminal liability. *Modern Law*, 3, 107–109 (in Russian).
- Steksova, T. I. (2013). Commentary as a speech genre and its variability. *Genres of Speech*, 9(1), 82–88 (in Russian).
- Trubnikova, Yu.V. (2008). Experimental study of derivational mechanisms of interaction between primary and secondary texts. *Siberian Philological Journal*, 2, 118–132 (in Russian).
-

Citation:

Доронина С.В., Кашаева М.В., Трубникова Ю.В. «Оскорбление религиозных чувств»: обыденное сознание и правоприменение. // *Юрислингвистика*. – 2022. – 24. – 45-52

Doronina, S. V. Kashaeva, M.V. Trubnikova, Yu.V. (2022). "Insulting Religious Feelings": Everyday Consciousness and Law Enforcement. *Legal Linguistics*, 24, 45-52.



This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
